

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Паром у пристани	5
II. Столица	14
III. Доллары	54
IV. Колея	87
V. Паровой каток	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Великая дева на белом коне	141
II. Длинноногий Джек с Перешейка	157
III. Чудо девяти дней	184
IV. Пожарная машина	220
V. Пошли на базар к зверям	237
VI. Пять законных оснований	260
VII. Американские горы	273
VIII. Еще река до Иордана	279

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Веселый городок	295
II. Пятицентовый рай	316
III. Вращающаяся дверь	331
IV. Небоскреб	384
V. Бремя Ниневии	407

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Паром у пристани

Три дикие чайки кружатся над разбитыми ящиками, над апельсинными корками, над гнилыми кочанами капусты, выглядывающими из-за расщепленных свай, зеленые волны пенятся под круглым носом, паром тормозит течение, громыкает, глотает взволнованную воду, скользит, медленно входит в гнездо. Жужжат лебедки, грохочут цепи. Ворота распахиваются, шаркают ноги, мужчины и женщины жмутся в деревянном, пропахшем навозом туннеле, тиская и толкая друг друга, как яблоки под прессом.

Держа корзину, точно ночную посудину, в отставленных руках, сиделка открыла дверь в большую, сухую, жаркую комнату с зелеными выцветшими стенами. В воздухе, пропитанном запахом спирта и йодоформа, дрожал мучительный, слабый, унылый крик. Он доносился из ряда корзин, висевших вдоль стены. Поставив свою корзину на пол, поджав губы, сиделка заглянула в нее. Новорожденный ребенок слабо копошился в вате, точно комок земляных червей.

На пароме пожилой мужчина играл на скрипке. У него было обезьянье лицо, стянутое все в одну сторону, и он отбивал такт носком потрескавшегося лакового башмака. Бэд Корпнинг сидел на перилах спиной к реке и наблюдал за ним. Ветерок играл его волосами, выбившимися из-под тесной кепки, и охлаждал потные виски. Его

ноги были покрыты пузырями, усталость давила его свинцовой тяжестью, но когда паром отошел от берега, вздымая ленивые, лепечущие волны, он сразу ощутил какой-то теплый, пронизывающий трепет.

— Скажите-ка, приятель, как далеко от пристани до города? — спросил он молодого человека в соломенной шляпе и полосатом галстуке, стоявшего рядом с ним.

Молодой человек перевел глаза с изношенных башмаков Бэда на красные кисти рук, свисавшие из потертых рукавов куртки, потом на пергаментную, индюшечью шею и встретил напряженный взгляд из-под изломанного козырька.

— Зависит от того, в какое место города вам нужно.

— Мне нужно на Бродвей, в центр — туда, где можно достать работу.

— Пройдите один квартал на восток, сверните на Бродвей, прогуляйтесь как следует — может, что и найдете.

— Благодарю вас, сэр. Так и сделаю.

Скрипач обходил толпу с протянутой шляпой, ветер развевал пряди седых волос на его жалкой плешивой голове. Бэд увидел склоненное к нему лицо; глаза, точно две черные шпильки, пронизывали его.

— Нет ничего, — сказал он грубо и отвернулся, глядя на реку, сверкавшую как лезвие ножа. Гнилые сваи гнезда затрещали, когда паром стукнулся о них; загрохотали цепи, и толпа вынесла Бэда на берег. Он протиснулся между двумя вагонами с углем и вышел на пыльную улицу. Его колени дрожали. Он глубоко засунул руки в карманы.

На улице стоял фургон-ресторан. Он неуклюже сел на вращающийся стул и долго просматривал меню.

— Яичницу и чашку кофе.

— Перевернуть? — спросил рыжий буфетчик; он стоял за прилавком и вытирал передником мясистые, веснушчатые руки. Бэд Корпнинг вздрогнул и выпрямился.

— Что?

— Я говорю — яйца перевернуть или вам простую глазунью?

— Да, конечно, переверните. — Бэд снова склонился над прилавком, обхватив голову руками.

— Видать, здорово устали, приятель, — сказал буфетчик, выпуская яйца в шипящий жир сковороды.

— Я не здешний. Сегодня утром я прошел пятнадцать миль.

Буфетчик свистнул сквозь зубы.

— Пришли в город искать работу, а?

Бэд кивнул.

Буфетчик шлепнул шипящую, подрумяненную яичницу на тарелку и пододвинул ее Бэду вместе с хлебом и маслом.

— Я вам кое-что посоветую, приятель. Совет даровой. Побрейтесь-ка, постригитесь и стряхните солому с платья, раньше чем отправитесь искать работу. Легче найдете. Тут с этим очень считаются.

— Я хороший работник, — промычал Бэд с набитым ртом.

— Да я так просто, — сказал рыжий буфетчик и отвернулся к плите.

Когда Эд Тэтчер поднимался по мраморной больничной лестнице, он весь дрожал. Запах лекарств перехватил ему дыхание. Женщина с накрахмаленным лицом смотрела на него из-за конторки. Он постарался придать своему голосу твердость.

— Скажите, пожалуйста, как чувствует себя миссис Тэтчер?

— Поднимитесь наверх.

— А все ли благополучно, мисс?

— Все узнаете у сиделки. Лестница налево, третий этаж, родильная палата.

Эд Тэтчер держал букет цветов, завернутый в зеленую восковую бумагу. Широкие ступеньки уходили у него из-под ног, он стучался носками сапог о медные палки, стягивавшие фибровую дорожку. Где-то захлопнулась дверь и оборвала придушенный крик. Он остановил проходившую сиделку.

— Я хотел бы видеть миссис Тэтчер.

— Идите, если вы знаете, где она.

— Ее куда-то перенесли.

— Тогда спросите у конторки в конце приемной.

Он закусил похолодевшие губы. В конце приемной краснолицая женщина смотрела на него, улыбаясь.

— Все прекрасно. Вы — счастливый отец прелестной девочки.

— Видите ли, это наш первый ребенок, а Сузи такая хрупкая... — пролепетал он, моргая.

— О, я понимаю, вы волнуетесь... Можете войти и побеседовать с ней, когда она проснется. Младенец родился два часа тому назад. Только не утомляйте роженицу.

Эд Тэтчер был маленький человек с двумя светлыми пучками усов, с водянистыми серыми глазами. Он схватил руку сиделки и потряс ее, обнажая в улыбке неровные желтые зубы.

— Понимаете, первый ребенок...

— Поздравляю, — сказала сиделка.

Ряды кроватей в желтом свете газа, тяжелый запах сбившихся простынь, лица — толстые, тонкие, желтые, белые. Вот она. Желтые волосы Сузи лежали прядями вокруг маленького, бледного личика, казавшегося сморщенным. Он развернул розы и положил их на ночной столик. Он посмотрел в окно, и ему показалось, что он смотрит в воду. Деревья в садике были окутаны голубой паутиной. На авеню вспыхивали фонари, заливая зеленым сиянием кирпично-красные массивы домов; желоба и трубы врезались в небо, багровое, как мясо. Синие веки приподнялись.

— Это ты, Эд?.. К чему это, Эд? Как ты расточителен.

— Не мог удержаться, дорогая, — ты их так любишь. Сиделка возилась у кровати.

— Можно посмотреть на малютку, мисс?

Сиделка кивнула. У нее были впалые щеки, серое лицо и сжатые губы.

— Я ненавижу ее, — прошептала Сузи. — Она меня раздражает, эта женщина. Скверная старая дева!

— Не обращай внимания, дорогая, потерпи еще день-два.

Сузи закрыла глаза.

— Ты все еще хочешь назвать ее Эллен?

Сиделка принесла корзинку и поставила ее на кровать около Сузи.

— Какая прелесть! — воскликнул Эд. — Смотри, она дышит. Они намазали ее маслом.

Он помог жене приподняться на локте; желтая прядь ее волос распустилась, упала на его руку.

— Как вы отличаете их, нянюшка?

— Бывает, что и не отличаем, — ответила сиделка, растягивая рот в улыбку. Сузи жалобно посмотрела на крошечное багровое личико.

— Вы уверены, что это моя?

— Конечно.

— Но ведь на ней нет никакой отметки.

— Я потом отмечу.

— Но моя была черноволосая! — Сузи упала на подушку, задыхаясь.

— У нее чудный светлый пушок, того же цвета, что ваши волосы.

Сузи подняла руки над головой и пронзительно закричала:

— Это не моя, не моя! Уберите ее... Эта женщина украла моего ребенка!

— Дорогая, ради бога. Дорогая, ради бога. — Он попробовал натянуть на нее одеяло.

— Скверно, — сказала сиделка, спокойно забирая корзинку. — Надо будет дать ей успокоительное.

Сузи сидела на кровати, выпрямившись.

— Уберите ее! — закричала она и забилась в истерике.

— О господи! — крикнул Эд Тэтчер, ломая руки.

— Вы лучше уходите, мистер Тэтчер, она успокоится сразу, как только вы уйдете. Я поставлю розы в воду.

На лестнице он поравнялся с толстым мужчиной, который медленно спускался вниз, потирая руки. Их взгляды встретились.

— Все в порядке? — спросил толстый мужчина.

— Да, кажется, — слабо сказал Тэтчер.

Толстый мужчина повернулся к нему; в его хриплом голосе булькала радость:

— Поздравьте меня, поздравьте меня! Моя жена родила мальчика.

Тэтчер пожал его пухлую маленькую руку.

— А у меня девочка, — робко сказал он.

— Пять лет подряд каждый год по девочке, а теперь, представьте себе, мальчик.

— Да, — сказал Эд Тэтчер, — это великий день.

— Вы не откажетесь, сэр, выпить со мной по этому поводу? Позвольте пригласить вас.

— С удовольствием.

На углу Третьей авеню хлопали решетчатые двери бара. Аккуратно вытерев ноги, они прошли в заднюю комнату.

— Ах, — сказал толстый мужчина, — по-видимому, немец, — усаживаясь за изрезанный коричневый стол, — семейная жизнь причиняет много беспокойств.

— Совершенно верно, сэр. Это мой первый ребенок.

— Угодно вам пива?

— Пожалуйста, мне все равно.

— Две бутылки Кульмбахского — моего родного. — Хлопнули пробки, и окрашенная сепией пена поднялась в стаканах. — За наши успехи... Прозит, — сказал немец и поднял свой стакан. Он отер пену с усов и ударил по столу розовым кулаком. — Не считите за нескромность, мистер...

— Меня зовут Тэтчер.

— Не считите за нескромность, мистер Тэтчер, если я полюбопытствую — какова ваша профессия?

— Счетовод. Надеюсь в скором времени стать главным счетоводом.

— А я владелец типографии, и зовут меня Зухер — Марк Антоний Зухер.

— Очень приятно, мистер Зухер.

Они пожали друг другу руки над столом между бутылками.

— Главные счетоводы зарабатывают много денег, — сказал мистер Зухер.

— Мне нужно много денег — для моей девочки.

— Дети поглощают много денег, — заметил мистер Зухер густым басом.

— Разрешите угостить вас бутылочкой, — сказал Тэтчер, высчитывая, сколько у него денег в кармане. «Бедняжка Сузи была бы недовольна, если б узнала, что я пью в таком кабаке. Ну ничего, только один раз; и я учусь, учусь законам отцовства».

— Чем больше, тем веселей, — сказал мистер Зухер. — Да, я говорю, дети поглощают много денег... Ничего не делают — только едят и изнашивают платье. Когда я поставлю свое дело на ноги... Ах! Так все это трудно — закладные заедают, денег занять негде, заработная плата растет, а тут еще эти сумасшедшие социалисты с их профессиональными союзами, бродяги...

— Ну, ничего, мистер Зухер.

Мистер Зухер выжал пену из усов большим и указательным пальцами.

— Верно, ведь не каждый же день рождается мальчик, мистер Тэтчер.

— Или девочка, мистер Зухер.

Бармен принес еще несколько бутылок, вытер стол и остановился неподалеку, прислушиваясь; полотенце болталось на сгибе его красной руки.

— И я надеюсь, что, когда мой сын будет вспрыскивать рождение своего сына, он будет пить шампанское. Да, вот такие-то дела...

— Я бы хотел, чтобы моя девочка была скромной и тихой — не то, что нынешние барышни; они только и думают, что о тряпках, кружевах, да шелковых чулочках. А я к тому времени уйду со службы, обзаведусь домиком на Гудзоне, буду по вечерам копать в саду... У меня есть знакомые — они ушли на покой с тремя тысячами в год. Копить надо — в этом весь секрет.

— Никакого смысла нет копить, — сказал бармен. — Я десять лет копил, а банк возьми и лопни. Только чековая книжка мне и осталась. Надо завести знакомства на бирже и воспользоваться подходящим случаем — это единственный шанс.

— Так ведь это чистейший азарт, — ответил Тэтчер.

— А вы что думали, сэр? Азарт и есть, — сказал бармен и пошел к стойке, помахивая двумя пустыми бутылками.

— Азарт! Но он прав, — сказал мистер Зухер, глядя в свой стакан стеклянными, задумчивыми глазами. — Честолюбивый человек должен ловить шанс. Честолюбие погнало меня сюда из Франкфурта, когда мне было двенадцать лет. А теперь у меня есть сын, и он будет работать... Я назову его Вильгельмом, в честь нашего великого кайзера.

— А моя дочка будет Эллен, как моя мать. — Глаза Эда Тэтчера налились слезами.

Мистер Зухер встал.